

Павел Быстровский

ЯБЛОКИ ДЛЯ
ГОСПОДА

Павел Быстровский
Яблоки для Господа. Повесть

«Издательские решения»

Быстровский П.

Яблоки для Господа. Повесть / П. Быстровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936130-1

Москва, наши дни. В квартире молодого писателя Ивана Размазина появляется таинственный человек, называющий себя демоном. Загадочный незнакомец заводит странные разговоры о Боге и Дьяволе, добре и зле, ангелах и демонах, а затем предлагает начинающему автору сделку: Иван получает славу и богатство, становится успешным писателем, однако за это он должен отдать демону свою душу...

ISBN 978-5-44-936130-1

© Быстровский П.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яблоки для Господа

Повесть

Павел Быстровский

© Павел Быстровский, 2018

ISBN 978-5-4493-6130-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

*Так не ропщите на душу,
пока ещё жива,
пока свежее ландыша
окольные слова,
пока она при голубе
рассыпана зерном,
пока на грудь приколота,
пока её вернём.*

Сергей Морозов (1946—1985)

1

В Москве в начале марта снег по обыкновению ещё лежит, а городской пейзаж напоминает промозглую картинку, словно тусклую фотографию в отсыревшем альбоме. Чуть растаявшая снежная жижица на дорожках, растоптанная многочисленными прохожими, показывает, что температура воздуха постепенно повышается, впрочем, говорить о полноценной весенней оттепели пока ещё рано. Ночью холодает и можно даже услышать за окном привычное за время зимы завывание ветра вперемешку с мелкой снежной крошкой. Крошка царапает стекло, словно кошка дверь. В этом размеренном царапании есть что-то меланхолическое, настраивающее на размышления о смысле жизни, о сути человека, о его роли в этом обществе и о прочих никому ненужных темах. Философствовать можно неизмеримо долго, да только найти ответы на эти вопросы так и не получится. Впрочем, размышлять нынче люди не хотят, даже, кажется, уже и вовсе не умеют, а потому подобного рода размышления им неинтересны. А ведь дело это очень полезное и занимательное! За ним можно скоротать вечер, семь вечеров, а то и целый месяц... Но нет, разучились мыслить, разучились думать, разучились мечтать. Ну, правда же, к чему в современном мире это всё? Каждодневная бегодня сменяется ежевечерней скукой, которую скрасит, разве что, беседа в интересной компании или одиночество. Но интересную компанию не всегда удаётся отыскать, а вот одиночество всегда вместе с тобой. Оно, как верный друг и надёжный товарищ, всегда рядом. Да, не удивляйся, читатель, многие люди находят успокоение именно в этом. Быть одному, в сущности, не так уж и плохо. Кто из нас не задумывался о том, как замечательно было бы оказаться на необитаемом острове, где на сотни и тысячи километров вокруг лишь океан. Только на одну минуту представьте – жить спокойной и размеренной жизнью, без бытовых проблем мегаполиса, без неуёмного сумасшедшего потока всевозможной информации (как правило, весьма и весьма негативной), без серой рабочей рутины, без общения с ненужными и неинтересными людьми, от которого скулы сводит, без вынужденного выхода «в люди». Эх, как прекрасно было бы жить так! Именно жить, а не существовать в социуме, где ты не личность, а только винтик огромной и безобразной системы...

А между тем, завывание за окном лишь усиливается. Если прислушаться, то можно различить в этом завывании злость и отчаяние, печаль и тоску, понимание безысходности течения времени. В сущности, чем наша жизнь отличается от этого ветра? Всё течёт, всё меняется, дни спешно сменяют друг друга, а человек живёт в этом водовороте будней и праздников, дней и ночей, не в силах остановить их и что-то изменить. Мы – актёры, которые каждый час, каждую минуту отыгрывают написанный судьбою сценарий, и только она одна знает финал спектакля, именуемого словом «жизнь». Выбор, который мы можем сделать – это лишь иллюзия. Мы сами выдумываем возможность выбора, сами верим в эту возможность, но на самом деле всё уже давно расписано и распределено до нас. Нам остаётся только смиренно выполнять сценарий судьбы, утешаясь иллюзорной свободой выбора. Выбора, которого у нас нет.

Ветер продолжает выть. О чём он говорит? Что он нам шепчет? Что хочет сказать? У каждого свои догадки и предположения. Впрочем, для большинства из нас это и вовсе не представляет совершенно никакого интереса. Мы не задумываемся об этом, не слышим вой ветра, просто не замечаем его...

Иван Размазин, двадцати пяти лет отроду, писатель по призванию и рекламный менеджер по специальности, пристально смотрел в окно, глядя на светящиеся вдалеке фонари, на вспыхивающие и тут же гаснущие габаритные огни автомобилей, на тускло освещённые окна квартир, на чёрные силуэты поздних пешеходов, которые спешили по тротуарам, бросая смазанные тени на снежную жижу, на белый снег, который обрамлял тротуарные дорожки, словно рамка. Странное дело, но в больших городах человек ощущает себя куда более одиноким, чем в небольшом посёлке или, скажем, деревне. В таких городах одиночество ощущается особенно остро, потому что ты словно теряешься в этой разномастной толпе, мгновенно растворяясь в ней, становясь маленькой частью человеческой массы, в которой уже и сам не можешь понять – где живёшь ты, а где находится всё остальное. По вечерам, скрывшись в квартире, ты всем своим существом чувствуешь одиночество, которое проникает в твоё жилище так же, как холодный ночной воздух проникает в чуть приоткрытое окно. И каждый такой вечер люди задают себе один и тот же вопрос, ответа на который нет, да и никогда, наверное, не будет: «Что же делать?» А если посмотреть на нашу жизнь немного под другим углом, то она становится чуточку яснее и понятнее. Вот высокий дом, в котором по вечерам в окнах зажигаются огоньки – там ужинают, говорят о чём-то, целуются или просто молчат. За каждым окном оригинальная и интересная жизнь, узнать и понять которую, увы, никак не представляется возможным. В современных городах живёт огромное количество людей и все они разные – умные и глупые, богатые и бедные, счастливые и несчастные, весёлые и печальные, здоровые и не очень. Ежедневно они встречаются, ссорятся, мирятся, знакомятся, идут в кино или театр, смотрят на часы, читают книги, умирают естественной смертью или от несчастного случая. И как можно в этом круговороте уследить за чужой жизнью, не выпустив из виду свою?..

Размышляя об этом, Иван не сразу услышал вопрос, который его друг Шура задавал ему уже в третий раз. Шура (по паспорту Александр Ротозеев) был другом Ивана, его ровесником, художником по призванию и по специальности. К превеликому сожалению, он был русским художником и жил в России, а потому распространённый стереотип о том, что художник должен быть голодным, прочно прилип к Шуру – заказов на картины у него было мало, а потому и денег тоже не водилось.

Вот и сейчас Шура вопрошал:

– Ну, скажи мне, Ваня, что есть искусство? Что мы понимаем под этим словом?

– Искусство – это возможность заявить о себе, посредством своего творчества. Это способ самовыражения, – отвлекаясь от своих мыслей, ответил Иван, когда Шура спросил об этом в третий раз.

– Ваня, стоп-стоп! Я не о том сейчас! Вообще ни разу ни о том! – замахал руками Шура. Учитывая, что в руках Шура держал надкушенный бутерброд с колбасой, манёвры художника могли закончиться тем, что он лишился бы своей трапезы. – Я о том, что есть искусство в современном мире. Все эти картины, книги и скульптуры... Вот я, к примеру, рисую что-то, даже выставляться пробую, а толку-то? Ни копейки за свои труды не получил, признания тоже как не было, так и нет... И что в итоге имею я от своего таланта? Шиш с маслом! Если б не случайные портретные заказы – уже б от голода подох, как последняя собака на помойке, чёрт бы её драл! А ты о каком-то самовыражении мне толкуешь!

Закончив реплику, Шура перестал размахивать руками и сосредоточенно занялся поеданием бутерброда.

– Слово «талант» не синоним слова «богатство», Шура. Скорее, даже наоборот. Люди творческие зачастую едва концы с концами сводят и вместо того, чтобы найти работу, за кото-

рую платят, продолжают заниматься творчеством, которое никому, по сути, и не нужно, – произнёс Иван, задумчиво глядя в окно.

Шура доел свой бутерброд и, словно не слыша Ивана, продолжил:

– Или вот ты, Ванька! Сколько ты уже пишешь этот свой роман? Пишешь всё, пишешь, а книги как не было, так и нет! Уже который раз переписываешь всё заново? Издательства тебя динамят, никому твоя писанина не нужна. И вот скажи мне, пожалуйста, это и есть искусство, что ли?!

– Творческому человеку во все времена было тяжело и туго. Что тут поделаешь? Любой успешный человек в искусстве – дело случая. Вот Скворечников стал известным художником, заказы на год вперёд расписаны, слава и богатство, всеобщее признание, женщины и прочая, и прочая... А ведь он учился вместе с тобой, Шура!

Сказав это, писатель осёкся. Фамилия художника Скворечникова всегда действовала на Шуру Ротозеева как красная тряпка на быка. Вот и сейчас он поперхнулся праведным негодованием, а только что съеденный бутерброд едва не полез из него обратно.

– Картины Скворечникова дерьмо! – взорвался Шура. – Я это всегда тебе говорил и ещё сотню раз повторю! Это дерьмо, а не творчество!

– А Кадочкин? Он ведь тоже сейчас знаменит? – спокойно продолжал Иван.

– Про Кадочкина лучше вообще не вспоминай! – и здесь был непреклонен Шура. – Это ничтожество, которое не умеет держать кисть в руках, не говоря уже о том, чтоб написать что-то путное!

Здесь, видимо, съеденный всухомятку бутерброд снова дал о себе знать, потому что Ротозеев обвёл взглядом непримечательную квартиру Ивана (небольшую студию) после чего его взор остановился на холодильнике, стоявшем в углу, возле окна. Безденежный художник подошёл к холодильнику, открыл дверцу и ловко выудил из него бутылку с газированной водой. Отпив где-то треть бутылки (Шура всегда всё делал обстоятельно), он возвратил газировку на место, попутно осмотрев содержимое холодильника. Впрочем, не найдя там ничего, стоящего его внимания, Шура закрыл дверцу и направился к дивану. Стоит отметить, что мебели в квартире Ивана было немного – диван, кровать, три стула, письменный стол, кухонный стол да книжный шкаф, заваленный книгами и рукописями. Непритязательный быт дополнили холодильник, электрическая плита, кухонный гарнитур и раковина. Холостяцкое жилище непризнанного писателя венчал цветок в горшке, одиноко стоящий на подоконнике и уныло торчащая у входной двери вешалка, на которой висели серое пальто и клетчатая кепка (верхняя одежда Шуры) и поношенная коричневая куртка (верхняя одежда Ивана).

– Искусство должно кормить нас, потому как творческая работа ничуть не проще или легче любой другой работы, – продолжил рассуждать Шура, завалившись на диван и сложив руки на животе. – Почему строителю или булочнику общество платит за их труд, а работа художника или писателя никак не оплачивается, если, конечно, ты не какая-нибудь известная личность? Чёрт возьми, даже дворнику за его работу платят, а нам – нет!

Не слушая Шуру, Иван подошёл к книжному шкафу.

– Вот такую книгу я хочу написать, – произнёс Размазин, беря с полки книгу и листая её. – Книгу, которая сможет изменить наше общество, наш мир. Которая станет чем-то великим, которая оставит яркий след в истории литературы.

– Ну-ка, что ты там написать хочешь? – заинтересованно сказал Шура, вскакивая с дивана и бодрым зайчиком прыгая к Ивану. – Ого! «Божественная комедия»! А тебе не кажется, что ты чересчур амбициозен, друг?

– Я надеюсь, что смогу написать вещь ничуть не хуже. Нужно быть уверенным в себе, и тогда всё получится. У человека всегда должна быть надежда на лучшее.

– Надежда? Ха! – саркастически хохотнул Ротозеев, возвращаясь на диван. – Ты ошибся страной! Надежды здесь ни у кого уже давно не осталось! Забыл, где живёшь, что ли?

– А я верю, что смогу написать такую книгу! – уверенно сказал Иван, возвращая «Комедию» на полку. – Нужно верить, и всё получится!

– Ну-ну, верь. Верить нам пока ещё не запрещают, – в голосе Шуры сквозил явный скептицизм. Было заметно, что он не верит своему другу. – Кстати, не займёшь мне пару тысяч до конца месяца? Я вообще пустой... Хорошо ещё, что у тебя пожрал сейчас.

– Что, совсем туго с заказами?

– Эх... И не спрашивай! Повеситься хочется!

– Ты же говорил, что у тебя один денежный клиент наклёвывался, разве нет? Хотел у тебя крупный заказ сделать? Неужели сорвалось? – удивлённо спросил Иван.

– Провалился бы в Преисподнюю этот денежный клиент! Все мозги мне выел – то не так, это не эдак... Редкостная скотина он! Хорошо ещё, что я сперва аванс получил, а уже потом его послал с такими требованиями! Да только не впрок мне этот аванс пошёл, всё подчистую проиграл! Карта не так легла...

– Снова играл? И не надоело тебе деньги просаживать, Шура?

– Без нравоучений только! – старинный друг высокомерно воззрился на Ивана, но тут же скис и жалобно добавил: – В квартире шаром покати, жрать нечего. Воду пью из-под крана, чая – и того нет. Хоть на Арбат выходи и портреты пиши за еду! Докатился! И самое главное – картины-то у меня есть, хорошие картины, качественные, а выставить их негде. Мне, может, одной выставки только и не хватает! Мне хоть немного подмог бы кто, хоть самую чуточку, а дальше уж я бы сам!

Иван сочувственно посмотрел на друга:

– А чего с выставкой? Совсем никак?

– Да полный швах! – злобно и одновременно устало ответил Шура. – Уж как я только не пробовал пробиться – всё впустую! А ведь я даже не авторскую выставку прошу, мне б хоть в коллективную втиснуться! Да где там... Всё Кадочкиными да Скворечниковыми занято! Шуты гороховые, чёрт бы их всех побрал! Ну и куда в этой стране честному художнику податься?!

– Но ты же всё-таки член ассоциации художников. Разве тебе как члену организации не положена выставка? Что ваш устав об этом говорит? – спросил писатель.

– Держи карман шире! В уставе много чего написано! Кабы всё по уставу делалось, то мы, художники, жили бы по-другому! Совсем по-другому! Мы бы ни в чём не нуждались, а могли бы спокойно заниматься творчеством, не думая о хлебе насущном. Художник – личность с чрезвычайно тонкой душевной организацией, которая не приучена решать свои бытовые проблемы и не знает, как беспокоиться о своих финансовых нуждах. А нынче, мы, мастера кисти и красок, влачим жалкое существование на обломках некогда могущественной структуры и не имеем даже элементарного! Что нам с этой книжицы, что зовётся членским билетом? Что нам с этих семи букв – ВАССХУД? Ничего, от слова «совсем»! Зато как звучит – «Всероссийская ассоциация художников»! – патетически закончил свою речь Ротозеев.

– Мне вот тоже на днях из издательства звонили, – выслушав пламенный спич друга, произнёс Иван.

– И? – выжидающе уставился на друга Шура.

– Неформат, рынок. Политика издательства не позволяет нам опубликовать вашу книгу. Если появится возможность публикации – мы обязательно свяжемся с вами.

– Вот сволочи! – в сердцах воскликнул художник. При всей своей противоречивости и сложности характера, он всегда искренне переживал за друга. – Ну вот, видишь, что я тебе говорил? Разве можно в этом чёртовом государстве искусством заниматься? Разве здесь можно своим творчеством прокормиться?

– Эти хотя бы позвонили. Большинство же вообще не отвечают.

– Сдаётся мне, Ваня, что они даже не читали твой текст, а просто таким образом тебя вежливо послали: мол, политика издательства и всё такое! – сочувственно покачал головой Шура.

– Тогда нужно ещё раз переписать текст... – начал было Иван.

– И сколько раз ты собираешься переписывать? – перебил его Шура. – Может, стоит писать по-другому... Ну, в формате, так сказать. Или вообще, бросай это дело! В этой стране ни литература, ни искусство никому не нужны!

– Я писатель. Я должен писать! – твёрдо возразил Иван.

– Эх, друг, писатель не тот, кто пишет, а тот, чьи книги издают, – мягко поправил его Ротозеев. – Занимайся рекламой, она хотя бы что-то приносит, какие-никакие, а деньги. А про писательство забудь, никому это нынче не нужно и не интересно... Ладно, пойду я, пожалуй. Поздно уже.

– погоди! А деньги? – спохватился Иван.

Он подошёл к книжному шкафу, достал с полки толстый том, в котором хранил все свои скудные сбережения (увы, зарплата менеджера по рекламе в этой стране невелика).

– Вот, возьми. Только здесь не две тысячи, а меньше, – произнёс Иван, отсчитывая купюры и протягивая их другу.

– Спасибо, Ванька! С первого же аванса отдам! Как получу за какой-нибудь заказ – сразу верну! – небрежно засовывая деньги в карман брюк, ответил Шура.

Он подошёл к вешалке, снял с неё своё пальто, надел его, нахлобучил на голову кепку и ещё раз поблагодарил Ивана:

– Спасибо за деньги и за еду. Хотя бы у тебя пожрал по-человечески, а то с утра ни крошки во рту не было... Прямо ложись и подыхай...

– Выше нос! – с показным оптимизмом в голосе ответил Иван. – Всё у нас будет, нужно только верить в это!

– Ну, да... Правильно, наверное... – рассеяно сказал Шура. – Верить, надеяться и ждать. А что ещё нам остаётся? Ладно... Бывай, друг!

Ротозеев вышел из квартиры, дверь за ним захлопнулась. Иван остался в одиночестве.

2

Иван и сам не заметил, как задремал, сидя за письменным столом. Чашка чая, что стояла рядом, уже давно остыла, а включённый ноутбук перешёл в «спящий режим», словно подражая владельцу. Тихину квартиры нарушил стук в дверь. Иван резко поднял голову. От долгого неподвижного сидения на стуле спина его затекла, а ноги были словно из ваты. Сперва он подумал, что стук был всего лишь частью сна, однако повторившийся звук явно демонстрировал, что стук самый что ни на есть реальный.

– Кого это в такой час принесло? – удивлённо пробормотал Иван, вставая и направляясь к входной двери. По ходу он взглянул на настенные часы, уяснив, что сейчас половина одиннадцатого вечера.

Поглядев в «глазок», он узрел по ту сторону двери высокого худощавого мужчину, одетого в тёмный плащ. Мужчина своим видом опасения не внушал, поэтому Иван пожал плечами и отпер дверь.

– Вы ко мне? – вопросительно вскидывая брови, поинтересовался он.

– Если вы Иван Размазин – то к вам! – ответил мужчина, внимательно приглядываясь к Ивану, на что тот не мог не обратить внимания.

– Да, это я. А вы, собственно, по какому делу? – подозрительно спросил писатель.

– Может быть, вы пригласите гостя в дом, или так и будете держать человека на пороге? Позвольте же мне войти и я вам всё объясню!

Иван посторонился, пропуская незнакомца в квартиру, но тот почему-то не спешил войти, словно чего-то ожидая.

– Входите же! – сказал Размазин, делая приглашающий жест рукой.

Таинственный визитёр удовлетворительно кивнул и вошёл. Иван запер дверь и снова взглянул на гостя:

– Может быть чаю?

– Знаете, не откажусь!

Не снимая плаща, незнакомец прошёл в комнату и, оглядевшись, сел за кухонный стол. Иван торопливо включил электрический чайник, достал две кружки и положил в них чайные пакетики.

– Вам сахару сколько ложек?

– Не имеет значения. Совсем непринципиально.

Ожидая, пока закипит чайник, Иван украдкой рассмотрел незнакомца. Тот был одет в брюки чёрного цвета, чёрную рубашку и чёрный же плащ. На ногах у него красовались модные туфли, которые явно стоили не меньше трёх зарплат среднестатистического менеджера по рекламе. Руки гость сложил перед собой на столе, поэтому Иван обратил внимание, что ногти у него ровные, аккуратные, а пальцы тонкие и ухоженные. Про такие пальцы обычно говорят, что это пальцы пианиста.

– Так по какому поводу вы ко мне пожаловали? Час-то поздний уже, – нарушив затянувшуюся паузу, нерешительно начал Иван. – Зачем вам понадобилось видеть меня?

Тот с хитрецей, как показалось писателю, взглянул на него и ответил:

– Иван, я читал ваши тексты. Те, которые вы присылали в издательство недавно. Так вот, я должен сказать, что вы пишете недурно, весьма недурно, у вас определённо есть талант.

Ожидавший любого ответа, но только не последовавшего, Иван смутился:

– Вы первый человек, который говорит мне об этом. Правда. Другие говорят, что мои тексты неформат. Я и сам, конечно, понимаю, что сейчас такую книгу никто читать не будет, она не для массового читателя...

– Бросьте! – прервал его гость. – Право же, вы недооцениваете себя. У вас есть талант, это главное. И, я надеюсь, у вас есть ум, которым вы сможете грамотно воспользоваться. У меня есть к вам предложение...

Однако закончить свою мысль незнакомцу не позволил вскипевший чайник. Раздался сухой щелчок, прозвучавший в тишине квартиры так, словно кто-то нажал на спусковой крючок незаряженного пистолета. Иван залил чай кипятком, усиленно думая, какое же предложение хотел сделать ему таинственный гость?

– Предложение? – переспросил Иван, усаживаясь на стул и придвигая одну из чашек незнакомцу.

– Благодарю! – кивнул гость. – Да, предложение. Деловое. Но об этом чуточку позже. Сперва я хотел бы поговорить немного о вашей книге. О чём она?

– Но вы же только что сказали, что читали её? – удивился Иван.

– Читал, – ответил незнакомец. – Но не всю и невнимательно. Поэтому мне бы хотелось услышать от вас, как от автора, её главную идею. В чём посыл вашего произведения?

– Признаться, мне бы хотелось написать книгу, которая сможет изменить что-то в людях, изменить в лучшую сторону, конечно, – уточнил Иван, заметив, как вопросительно поднялись брови гостя. – Посмотрите, в каком обществе мы живём, какое государство строим, какие желания у нас. Что мы делаем? Как мы делаем? Зачем мы делаем? В чём смысл нашего существования сегодня? К сожалению, современное общество не хочет задумываться над этими вопросами.

– Bravo! Молодой человек, ваши мысли текут в правильном направлении! – радостно воскликнул незнакомец. – Если бы все люди рассуждали так – вы бы жили в совершенно ином обществе!

Как показалось Ивану, собеседник нарочно сказал «вы», а не «мы».

– Но такая книга неформат в современной литературе, – печально произнёс Иван. – Кто будет читать об этом нынче? Ясное дело, никто. Кто будет издавать такую книгу? Тоже никто. Нерентабельно, невыгодно.

– Да-да, это очень печально! Очень! – сочувственно кивнул головой незнакомец. – Но что поделать? Рынок, бизнес, все дела... Но, позвольте поинтересоваться, каково ваше желание, увидеть свою книгу изданной и стать известным автором? Как сильно вы этого хотите?

– Я писатель. Как может писатель желать увидеть свою работу изданной? Это моё единственное желание, большего мне и не нужно, – тихо сказал Иван. Он заметил, что собеседник остался удовлетворённым его ответом.

– Так, так, понимаю! – закивал гость. – Это ваше единственное желание. И как далеко вы готовы зайти, чтобы его осуществить? На что вы готовы пойти ради этого?

– На что угодно, кроме убийства, – честно ответил Размазин.

– У вас есть чувство юмора, Иван, это хорошо! – расхохотался незнакомец и, отхлебнув чаю, продолжил: – Но, разумеется, я не об этом. Убивать никого не нужно, никакого криминала. А позвольте спросить, как вы относитесь к религии, церкви... кхм... Богу? Вы верующий человек?

– Религия, церковь, Бог – это всё разные вещи, – медленно произнёс Иван. Почему-то он почувствовал, что его ответ на этот вопрос очень важен для загадочного ночного гостя. – Одно с другим, можно сказать, слабо связано. Религия – это свод догм и правил, церковь – организация, а Бог... Бог у каждого свой, ведь так? У кого-то Бога и вовсе нет. Что же до меня – я агностик. Я не могу сказать наверняка – есть Бог, нет Бога, я просто свободно мыслящий индивидуум. Я считаю, что человек не может познать Бога, если он есть, равно как и не может доказать отсутствие его, если Бога нет.

– Ничего нет, а если что-то и есть, то это невозможно познать, а если можно познать, то невозможно объяснить, так? – улыбнулся незнакомец.

– Верно, – кивнул Иван.

– Но если вы не можете ни подтвердить, ни опровергнуть наличие Бога и божественных сил, значит ли это, что также вы не можете точно сказать – есть ли дьявол и дьявольские силы? – продолжал собеседник.

– Это равнозначно, – ответил Иван. – Если есть Бог – значит, есть дьявол. Если Бога нет – значит, и дьявола тоже не существует. Без добра – нет зла. А если нет зла – то и добро также теряет свой смысл.

– Хорошо, очень хорошо! – удовлетворённо кивнул гость и, взглянув на свои наручные часы, заторопился: – Пожалуй, мы с вами продолжим в другой раз нашу замечательную беседу. Уже очень поздно, а мне нужно ещё одно дело закончить. Я и так отнял у вас достаточно времени. Ввалился на ночь глядя, прошу прощения.

– Не нужно извиняться, – отмахнулся Иван. – Я рано не ложусь, пишу что-то или читаю допоздна. Иногда и вовсе бессонница навещает на всю ночь.

– Ну да, вы же личность творческая... Ночь любите? – хмыкнул незнакомец.

– Ночью лучше пишется, думается. Спокойно, тихо, – кивнул писатель.

– Ночь наше время, потому и спокойно... Был рад познакомиться с вами, Иван! – сказал гость, пожимая руку писателю. Иван ощутил, что рука незнакомца холодная, словно по её жилам течёт не кровь, а холодная вода Ледовитого океана.

– Взаимно! Но... вы не представились... Как ваше имя? – Иван почему-то только сейчас сообразил, что так и не знает, как зовут его таинственного собеседника.

– Завтра поговорим подробнее о вашей будущей книге, – сделав вид, что не услышал его вопроса, продолжал незнакомец: – Ещё раз благодарю за чай и интересный разговор! Очень надеюсь, что наше сотрудничество будет плодотворным!

– Вы из издательства? – чуть громче спросил Иван.

– Вот моя визитка, – улыбаясь, мягко ответил гость, протягивая Ивану прямоугольную ламинированную бумажку чёрного цвета, на которой стилизованными под латынь буквами было что-то написано. – Я не прощаюсь!

Сказав это, незнакомец повернулся на каблучках и... исчез.

3

Свою мастерскую Шура Ротозеев не любил. Вообще, он любил в своей жизни немногое – девушек, деньги и известность. Как можно понять, ни первого, ни второго, ни третьего у него не было. Даже картины, которые он писал, раздражали его, потому что ничего не приносили – ни славы, ни богатства (а именно это, как считал Шура, являлось стандартом качества полотен). О том, что сегодня многие сумасброды-миллионеры готовы платить кругленькие суммы за разнообразную мазню, именуемую «современным искусством», он почему-то не задумывался, равно как и о том, что не всегда истинную ценность картины, книги или скульптуры можно измерить в денежном эквиваленте. Люди зачастую склонны не видеть очевидных истин, и наоборот – готовы свято верить в разные глупости, которые им навязывает общество. Сказано, что деньги – главная цель в существовании человека, значит, так оно и есть. Сказано, что добро нынче не в моде – значит, так и следует думать. Век человека короток, а ум слаб, оттого так несчастна его жизнь.

Шура обвёл хмурым взглядом свою мастерскую, которая по совместительству была и его единственным жилищем. Картина, прямо сказать, не ахти: из мебели в мастерской были только старый стол и табуретка, одна ножка которой была короче остальных, и потому сидеть на ней было очень неудобно – приходилось балансировать, ибо в ином случае сидящий заваливался либо назад, либо вперёд. Также там стояли древний холодильник «ЗИЛ» зелёного цвета и мольберт-тренога с холстом, на котором смутно угадывались наброски новой картины Ротозеева. В углу валялся спальный матрац, такого изношенного вида, что можно было предположить, что на этом самом матраце спал ещё Владимир Ленин в своём шалаше.

Сам непризнанный художник сидел на полу, скрестив ноги по-турецки. В руках он держал старый радиоприёмник, из недр которого доносилась песня «У нас, молодых» в исполнении ВИА «Самоцветы». Шура с отрешённым видом слушал музыку, хотя весь его вид явно демонстрировал, что мыслями он находится далеко за пределами своей грязной и пыльной мастерской. Потому-то он и не сразу заметил, как в мастерскую вошёл человек. Это был худощавый мужчина средних лет, одетый во всё чёрное.

– Что же это вы двери не запираете, молодой человек? – произнёс посетитель, когда понял, что Шура не замечает его присутствия.

– Там не заперто? Вы ко мне? – очнувшись, спросил Шура.

– Вы художник? Значит, к вам!

– Картину заказать? Или из готовых выбрать хотите? – оживился Шура, предвкушая большой куш. По внешнему виду посетителя он сразу понял, что у того деньги водятся. – Каталога у меня, к сожалению, нет, но может быть, так посмотрите, прям картины сразу? Могу сейчас показать!

– Погодите. Я хочу поговорить с вами, – жестом остановил его незнакомец.

Лицо Шуры помрачнело.

– Некогда мне разговоры разговаривать! – неприветливо произнёс он. – Скоро с голодухи свои картины жрать начну! Не до бесед как-то!

– Не кипятитесь, молодой человек, чай не чайник, – миролюбиво сказал посетитель. – Я именно о ваших работах и хочу поговорить.

На Шуру эти слова не произвели никакого впечатления.

– Ну а чего об этом говорить? Чего говорить-то? – раздражённо выпалил он. – Смотрите картины, выбирайте, называйте свою цену. Недорого отдам.

– Не спешите, молодой человек. Поспешишь, как известно, людей насмешишь, – тоном народного сказителя изрёк незнакомец.

– А вы меня, уважаемый, пословицами и поговорками не кормите! – распаялся всё сильнее Шура. – Если картину купить хотите – покупайте, а нет – так проваливайте по-добру по-здорову! Нечего мне тут вечер народного творчества устраивать!

Назойливый посетитель пристально посмотрел на художника:

– Кажется, теперь я понимаю, почему у вас нет выставок, почему с коллегами по кисти у вас отношения не клеятся. Вы комиссии ассоциации художников также грубили, а председателя вообще послали...

– Откуда вы об этом знаете? – в замешательстве сказал Шура. – Вы...

– Нет, я не из ВАССХУДа, – словно предвидя его вопрос, ответил незнакомец. – Я даже не был там никогда. Но я знаю об этом. Как знаю и то, что в возрасте двенадцати лет вы сломали руку, упав с яблони.

– Но как?! Откуда?! – поразился Шура. Он был так удивлён, что даже перестал злиться на этого странного типа, который заявился посреди ночи в мастерскую непонятно зачем.

– Просто знаю. Ну, так что, согласны поговорить со мной? – спокойно сказал гость.

– Да кто вы такой, чёрт вас дерит? – не сдавался Ротозеев.

– Скажем так, я тот человек, который может решить ваши проблемы, Шура.

– Откуда вы знаете, что меня называют так? – не унимался художник.

– Шура, вас заело? – осведомился таинственный посетитель. – Я начинаю раздражаться уже! Хватит меня спрашивать. Поверьте мне, сейчас вы всё поймёте! Неважно, откуда я знаю это, важно, что я могу для вас сделать!

Шура чувствовал, что незнакомец ему лжёт – в его голосе не было раздражения. Нет, раздражения или злости в его тоне не было, скорее, в нём слышалась явная усталость. И ещё Шура почему-то интуитивно знал, что тот говорит правду – он действительно мог сделать многое, если не абсолютно всё. Внешний вид человека, его тон, манера беседы – во всём чувствовалась сила, сквозило скрытое могущество. Но это было могущество человека (впрочем, человека ли?), который не упивается им. Больше походило, что он тяготится своей силой, принимая её как необходимость, рутинную обязанность. Было заметно, что ночной гость весьма давно владеет этим могуществом, поэтому оно ему уже порядком наскучило. Примерно это чувствует подросток, который выпросил у родителей на день рождения велосипед, получил его, накатался вдоволь и вдруг обнаружил, что за железным конём необходимо ухаживать, подтягивая цепь и смазывая колёса.

– А что вы можете сделать? – сглотнув слюну, хрипло спросил Шура.

– Многое. Всё зависит оттого, насколько вы этого хотите. Во-первых, чего вы хотите. Во-вторых, что вы за это согласны отдать, – последовал чёткий ответ.

– Отдать? – растерялся художник. – Но у меня же ничего нет! Что ж я могу отдать вам? Если только картины?

– Ошибаетесь, мой друг. У вас есть ещё что-то.

– Вы говорите о моей мастерской, что ли?

– Не о мастерской речь! – нетерпеливо отмахнулся незнакомец. – У вас есть нечто более важное для меня. Но об этом позже. Скажите, Шура, вы верующий человек? Во что вы верите?

– А во что может верить современный молодой человек двадцати пяти лет? – ответил Шура. – Я верю в деньги. Деньги всё решают, бабло правит миром.

– А о сверхъестественных силах вы никогда не задумывались? – вкрадчиво продолжал странный посетитель. – О Боге, о дьяволе, об ангелах и демонах?

Шура встал с пола и уселся на табуретку, хмуро уставившись на незнакомца.

– А чего мне об этом думать? Богом сыт не будешь, знаете ли. Да и вообще, вся эта сегодняшняя поповщина, мягко скажем, не для разумного человека.

– А сверхъестественное?

– Пёс его знает, есть ли там (Шура указал пальцем вверх) или там (Шура указал пальцем вниз) что-то или кто-то. Я не знаю. Между прочим, вера у каждого своя и она не там, в церкви, а здесь, в груди. И необязательно это вера в сверхъестественные силы... Кто-то верит в науку, кто-то – в деньги, кто-то – что красота спасёт мир, а коммунизм сделает всех счастливыми. Совсем необязательно идти в храм, если у человека есть вера, и совсем необязательно верить в бородатого старика в тоге, который сидит на небе и всё видит. У буддистов, кстати, вообще нет этого... как его... – Шура произнёс по слогам: – Пер-со-ни-фи-ци-ро-ван-но-го бога, вот!

– Всё верно говорите, товарищ художник! Ну, а если же что-то есть? – кивнул гость.

– Где? – не понял Шура.

– Там (незнакомец ткнул пальцем вверх) и там (незнакомец ткнул пальцем вниз).

– Я не могу точно сказать, пока своими глазами не увижу. Впрочем, может, и недолго осталось... Не от голода помру, так в петлю залезу... Вот тогда и узнаю – есть бог или нет его.

– Зачем же так радикально? – вскинул брови незнакомец. – Можно и по-другому узнать.

Вот, например, сейчас вы говорите со мной...

– Вы, что ли, Бог? Ангел? – перебил его Шура.

– Не совсем. Я, скажем так, из другого ведомства. Не из небесного, а из того... тёмного, подземного, то бишь. Демон я. Имя моё – Бальтазар, – усмехнувшись, сказал незнакомец.

– Ха-ха! Очень смешно!

– Зря смеётесь, Шура. Очень зря, – прищурившись, холодно произнёс ночной гость. – Я, быть может, единственный ваш шанс на нормальную жизнь, поэтому вы совершенно зря смеётесь. Я могу быть самым хорошим другом, а могу – и самым злейшим врагом, это уж как вы сами решите.

Шура почувствовал, словно на него нахлынула холодная, обжигающая океанская волна. Волна невидимая, но от этого не менее реальная. Ротозеев даже отстранился немного от того, кто назвался демоном, позабыв об особенностях табуретки, и едва не опрокинулся назад. Незнакомец сделал неуловимое движение – и Шуру притянуло обратно что-то тоже невидимое, но осязаемое.

– Значит, вы и правда... ну это... оттуда... – Шура указал пальцем вниз. – И там тоже есть... – Шура указал пальцем вверх. – Есть этот... Бог...

Взгляд демона потух и снова стал усталым.

– Есть, Шура, есть. Всё есть, – спокойным голосом сказал он. – Только всё немного не так, как вы, люди, себе нафантазировали. Впрочем, ничего удивительного. Вы всегда были склонны к мечтам, идеализируя то, что не можете понять и приписывая необъяснимому свои выдумки.

– Но демона вызывают! Нужно какие-то ритуалы специальные проводить... Я читал и... и по телевизору видел... – хватаясь за последнюю соломинку, связывающую его с реальным и рациональным миром, воскликнул Шура. Воскликнул скорее для себя, а не для демона, ибо всё было более чем реальным.

– Мы сами приходим, когда нужно, Шура, – ответил демон. – А если мы не хотим приходить – никакие ритуалы не помогут. Вернее, вызвать то нас, может быть, и получится – но вот попросить о чём-то вызвавший уже не успеет.

– А ко мне вы зачем... пришли? – севшим голосом спросил Ротозеев.

– Как я уже и сказал – помочь. Вы ведь хотите стать известным художником, не так ли?

– Хочу, – кивнул Шура.

– Я могу это устроить. Будет у вас слава, будет у вас богатство, будут у вас женщины. Всё будет. Ну, а взамен вы мне отдадите душу, – бесстрастно произнёс Бальтазар.

– Это не розыгрыш? Вы не шутите?

– Поверьте мне, Шура, у нас, демонов, чувства юмора нет. Как нет и других чувств, присущих человеку. Как то сострадание, любовь, совесть, ненависть, страсть... Ничего человеческого в нас нет. Даже это тело, которое вы видите сейчас, это не мой истинный облик, как можно догадаться. К сожалению, находиться в этом мире в своём подлинном облике мы не можем. Да и общаться с людьми, как выяснилось, проще именно в таком облике. Ну, так что? Решитесь рискнуть и получить всё и сразу?

– Заманчивое предложение. Но... какие последствия у всего этого? – с осторожностью поинтересовался художник.

– Ваша душа переходит в мою собственность, а я вам в свою очередь даю то, чего вы хотите, – ответил демон. – Любое желание. Одно условие – ваше желание должно быть равноценным вашей душе, ведь не все души имеют одинаковую стоимость. Далее я даю вам определённый срок жизни, после чего вы должны умереть. Также, заключив контракт с тёмными силами, вам возбраняется посещать церковь и иные религиозные сооружения. Впрочем, всё это будет записано на бумаге, вы сможете сами ознакомиться с вашими обязанностями.

– Вы сказали о сроке жизни. Сколько? – хрипло спросил Шура.

– Обычно, в контракте мы прописываем сроки до пятидесяти лет, в зависимости от возраста заказчика и ценности его души. Чем выше стоимость души – тем больший срок отводится. Но согласитесь, что прожить даже несколько лет и получить всё, о чём только можно мечтать, гораздо приятнее и интереснее, чем прожить восемьдесят или, если очень повезёт, девяносто лет и так и не приблизиться ни на йоту к заветной цели!

О продаже души Бальтазар говорил сухо, словно речь велась о каких-то статистических данных для отчёта. Заметно было, что для демона этот ритуал никакой и не ритуал вовсе, а так – будничная работа, скучная рутина. И вместе с тем в голосе его ясно звучали нотки профессионального менеджера по продажам, который успешно втюхивает престарелым пенсионерам билеты на затяжной прыжок с парашютом или подержанные скейтборды мелким и крупным оптом.

– А потом? – облизав пересохшие губы, спросил Шура.

– А потом ничего не будет, молодой человек, – улыбнулся Бальтазар. – В назначенный час вы должны отойти в мир, как говорится, иной, чтобы я мог получить своё.

– Я говорю о душе. Что потом будет с ней?

– Да я уж понял, что о душе, а не о пирожках с повидлом, – ответил демон. – Душа будет принадлежать мне. То есть, формально она будет принадлежать мне с момента заключения сделки, но фактически я смогу получить её лишь после вашей физической смерти. Но не бойтесь, это не будет больно.

Бальтазар замолк, давая понять, что он закончил свой рекламный спич, и вопросительно посмотрел на художника.

– Я могу подумать? – помедлив, спросил тот.

– О, разумеется! Думайте, решайте. Когда решите – я снова приду к вам.

– Когда?

– Когда вы примете решение, Шура! Никаких ритуалов проводить не нужно. Когда вы решите – я буду знать об этом. Кстати, если ваше решение будет отрицательным – я и вовсе не явлюсь. Незачем людям лишний раз встречаться с нами, – осклабился демон.

– А моя душа... Она... – Ротозеев запнулся и затравленно посмотрел на Бальтазара. – Моя душа будет в Аду? Она будет гореть вечность?

Демон насмешливо покосился на художника и с едва сдерживаемым смешком ответил:

– А вам не всё ли равно тогда уже будет, друг мой? Что вы так о ней печётесь? Не вы ли говорили, что самое главное – прожить здесь и сейчас легко и вольготно, вкусив от жизни всё? Плевать на то, что будет потом! Да и вообще, будет ли это «потом»? Может, ничего и не будет, а? Но если и будет – что с того? Ну, искупают черти в раскалённом свинце вашу душу пару раз... Подумаешь, великое дело!

Шура нервно сглотнул, а его лоб покрылся испариной.

– Да не тряситесь вы так! Ну, честное слово, это я шутить так пытаюсь, да видно, не слишком хорошо выходит! – усмехнулся Бальтазар. – Я же говорил вам, что с юмором у нас не очень. Сами видите, что получается, когда я пытаюсь шутить. Ваша душа перейдёт ко мне на хранение, только и всего. И никаким пыткам она подвергаться не будет, это раз. А два – даже если кто-то и будет её мучить, то чувствовать вы ничего не будете. Как бы это вам понятнее объяснить... Душа – она нематериальна, она не чувствует ни боль, ни наслаждение. Как я уже говорил, представление людей об Аде несколько искажено, оно не совсем соответствует действительности.

Художник попытался скрыть выдох облегчения, но Бальтазар заметил это (впрочем, не подав виду).

– Думайте, Шура, думайте. Решайте, – повторил демон. – Всё в ваших руках. Вы сами строите своё счастье.

Шура Ротозеев моргнул, а в следующее мгновение в мастерской кроме него уже никого не было. Демоны приходят без приглашения, а уходят не прощаясь.

4

По утрам Ивану писалось плохо. Ему, врождённой «сове», требовалось много времени, прежде чем он мог приступить к написанию книги. Обычно, в дни, когда ему не нужно было ехать в офис, он вставал часов в девять, после чего тратил ещё полтора-два часа на раскачку и лишь потом садился за ноутбук. С недавних пор он начал работать на нём, сразу набирая текст электронным файлом, раньше же Иван предпочитал рукописи (именно поэтому его небольшая квартира была буквально завалена бумагой – чистой и исписанной). И хотя творчество не приносило ему ни копейки, всё же Размазин считал своим главным делом именно писательство, тогда как работу менеджером по рекламе не воспринимал всерьёз, видя в ней только стабильный источник дохода. Стоит ли говорить, что от офисной работы Иван не испытывал абсолютно никакого удовольствия? Напротив – когда он занимался творчеством, то чувствовал ни с чем несравнимое счастье. Счастье спокойное, ровное, умиротворённое, но от этого ничуть не менее желанное.

Иван в задумчивости стоял у окна, держа в одной руке бутерброд с колбасой, а в другой – чашку с горячим чаем. Казалось, в этот момент он находился не здесь, в своей квартире, а где-то очень далеко, на страницах своей будущей книги. Книги, которая изменит если не всех людей, то многих. Книги, которая позволит выполнить ему, Ивану, главную цель, которую ставит перед собой каждый автор – попытаться изменить этот мир к лучшему. Да, именно так – он всегда был уверен, что важнейшая задача литературы не развлекать читателя, а помогать ему, читателю, видеть свои собственные ошибки и недостатки, через которые можно рассмотреть и все ошибки и недостатки этого мира... От размышлений Ивана отвлек стук в дверь. Как это всегда бывает, прозаический быт раздавил своей массой поэтический полёт мысли о возвышенном и вечном. Серые будни сошлись в неравной схватке с красочными мечтами и одержали над ними верх.

Размазин поставил кружку с чаем на подоконник и с бутербродом в руке направился к двери. Не глядя в «глазок», он распахнул её и увидел на пороге вчерашнего ночного гостя. Тот был не один – рядом с ним стояла симпатичная молодая девушка азиатской внешности. Иван обратил внимание, что одета она явно не по погоде: белая блузка, строгий чёрный офис-

ный костюм и никакой верхней одежды. Чёрные туфли, несмотря на уличную грязь и снежную слякоть, выглядели так, словно ещё пять минут назад они стояли в витрине магазина и были обуты незнакомкой вот только что.

– Вы? – удивился Иван.

– Мы! – радостно произнёс вчерашний гость, широко улыбаясь. – Разрешите войти?

– Входите, – ответил писатель, глядя при этом почему-то на девушку.

Ночной гость со своей спутницей прошли в квартиру, Иван закрыл дверь и проследовал за ними.

– Знакомьтесь, Иван. Это Лилит, – представил незнакомку таинственный визитёр. – Лилит мой секретарь и ассистент, если можно так сказать.

– Вы объясните мне, что всё это значит? Кто вы? Я думал, вы из издательства... – начал было Иван, но гость жестом оборвал его.

– Я не из издательства! – резко бросил он. – И Лилит тоже. Мы из другого ведомства.

– Что это? – спросил писатель, доставая из нагрудного кармана рубашки визитку, которую ему вручил ночью незнакомец. – Что всё это значит?

– Там же по-русски написано, друг мой любезный! – воскликнул гость. – Бальтазар – демон высшей категории. Я и есть Бальтазар, приятно познакомиться!

– Вы шутите, что ли? Или вы сумасшедший? – с подозрением поинтересовался Иван.

– Отнюдь! – отрицательно покачал головой человек, назвавшийся демоном. – Я не шучу и я не сумасшедший. Хотя для вас, людей, ещё неизвестно, что лучше... Кстати, Лилит тоже демон. Видите, какими красивыми мы бываем? Впрочем, это лишь тело... При желании Лилит может принять другой облик. Каких вы предпочитаете: блондинок, шатенок?

– Перестаньте! – крикнул Иван. От театральных ужимок гостя он почувствовал лёгкий звон в ушах, а картинка мира перед глазами чуть-чуть поплыла.

– Иван, Бальтазар говорит правду, – мягко улыбнулась Лилит. – Мы демоны. И если ты не дурак, то, наверное, понимаешь, зачем мы пришли.

Голос у неё был приятный, успокаивающий. Иван мгновенно почувствовал себя лучше – звон в ушах прекратился, изображение мира стабилизировалось.

– Лилит, он всё понимает! – усмехнулся Бальтазар. – Верно, Иван? Ты ведь уже понял, что нам нужна твоя душа, а в обмен на неё мы сделаем так, что ты станешь известным автором. О тебе и о твоей книге узнают все! Ты ведь этого хочешь?

– Но я не вызывал вас! – всё ещё ощущая подвох, сказал Размазин.

– Нас не вызывают, мы приходим сами, – ответила Лилит.

– Мы приходим сами и помогаем, – подхватил Бальтазар. – Тёмные силы тем и отличаются от светлых, что мы помогаем людям, делаем их жизнь лучше, приятнее, интереснее. Что может дать Бог человеку? Ничего, ибо жизнь верующего человека подвержена всяческим запретам и ограничениям, а из своей веры этот несчастный не может извлечь никакой пользы.

– И есть ли какой-то смысл в этой вере? – продолжила Лилит. – Зачем она нужна? Век человека недолог, нужно жить здесь и сейчас, получать от жизни что-то приятное уже сегодня. Светлые силы могут обещать что-то человеку только после смерти, тогда как мы, демоны, можем исполнить самые заветные мечты человека при его жизни.

– Подписываешь контракт и получаешь всё, что захочешь, – вновь перехватил эстафету речи демон высшей категории. – От человека только и требуется, что чётко и внятно сформулировать своё желание. А можно ли что-то подобное ожидать от божественных сил? Да они же ничего совершенно не делают для людей! Они не помогают, они не делают жизнь человека лучше. Они были созданы с единственной целью – уравновесить баланс чёрного и белого, а всё остальное – это уже выдумки людей.

– Абсолютно всё во Вселенной требует равновесия, ибо она не терпит шаткости, – глядя прямо в глаза Ивану, сказала девушка. – Без демонов нет ангелов, без Ада нет Рая, без чёрного нет белого, без лжи нет правды, без ненависти нет любви.

– Ну, так что, подумаешь над моим предложением? – снова вступил в разговор демон. – Ничего, что на «ты»? Я всё-таки на несколько тысячелетий старше тебя... Предложение выгодное! Сразу не отказывайся, подумай, мы не торопим тебя.

Иван в замешательстве переводил взгляд с Бальтазара на Лилит и обратно.

– Всё-таки нужно было дождаться, когда он позавтракает, Лилит, – чуть смутившись, сказал Бальтазар, косясь на бутерброд, который Иван так и продолжал держать в руке. – Видишь, парень сбит с толку и ничего не понимает.

– Я всё понимаю... Нет... конечно, я удивлён, я очень удивлён, но... Всё это странно и неожиданно, правда... – сбивчиво пробормотал Размазин.

– Ваня, ты кушай бутерброд, не стесняйся! Ты как себя чувствуешь, а? Что-то ты побледнел... – озабоченным тоном произнёс демон и повернулся к девушке: – Лилит, плесни-ка водички нашему писателю, а то как бы он не брякнулся в обморок.

Иван всё в том же замешательстве медленно жевал бутерброд, глядя, как Лилит достаёт из холодильника бутылку с водой и наполняет стакан, стоящий на кухонном столе. Принимая из её рук стакан с водой, Иван молча кивнул. Отчасти это произошло потому, что он подумал, что глупо говорить демону «спасибо» или «благодарю», отчасти – из-за того, что голос слушался его плохо в этот момент.

– Ну как, Иван? Полегчало? – заботливо спросил Бальтазар, когда Иван осушил стакан до дна. – Всё нормально?

– Ага! Всё нормально! – громко ответил Иван. Выпитая вода прочистила его горло и голос вновь вернулся к нему. – Всё абсолютно нормально! Всё просто замечательно! Если не учитывать того, что ко мне в гости пришли два демона и предлагают продать им душу!

– А чего ты так разнервничался? Да, демоны. Да, продать душу. И что с того? Мы что, такие страшные? Мы вовсе не страшные! – оскорблённо воскликнул Бальтазар и, покосившись на Лилит, ехидно хихикнув, добавил: – А некоторые из нас очень даже симпатичные.

– Справедливости ради скажу, что твоя реакция на нас ещё не самое ужасное, что могло бы быть, – улыбнувшись уголками губ, произнесла девушка. – Некоторые после встречи с нами теряют рассудок, скажем так, временно или постоянно.

– Спасибо, утешила! – с сарказмом сказал Иван. – Надеюсь, мой рассудок меня всё же не покинет!

– Конечно, не покинет, Иван! – с готовностью заверил его Бальтазар. – Лилит говорит о жалких людишках, у которых и души-то стоят всего ничего... Душонки так себе, на три копейки!

– А моя, значит, не такая, да? – спросил писатель.

– Разумеется! Твоя душа стоит дорого, очень дорого, потому что твоя душа – душа писателя! – глаза Бальтазара жадно блеснули, но тут же вновь погасли.

Соглашаясь с Бальтазаром, Лилит кивнула и объяснила:

– Душа – это сгусток энергии, нематериальная сущность, которую невозможно уничтожить. Она – противопоставление человеческому телу. Тело – смертно, душа – нет, тело имеет изъяны, душа – совершенна.

– Но все души разные, – продолжил Бальтазар. – Душа талантливого человека имеет огромную силу, она несёт на себе отпечаток его воли, разума, мышления, сознания, чувств.

Иван недоверчиво посмотрел на демона:

– И что, моя душа именно такая? Ведь я всего лишь человек, обычный человек. Я даже не писатель! Вернее, я пишу, конечно, но мои книги никто не читает, потому что их никто не издаёт. Разве можно считать меня писателем?

– Писатель не тот, чьи книги издадут, а тот, кто может создавать литературу, а не просто умеет складно писать, – сказала Лилит. – В ваш век кого только не издадут! И что, это можно называть книгами и литературой?

– А разве вы читаете книги? – удивлённо поинтересовался Иван.

– Представь себе, демоны умеют читать! И даже писать! – со смешком ответила Лилит.

– Извини, я не это имел в виду, – почему-то смутился Иван. – Я о том, что вы читаете книги, которые пишут люди?

– Иногда читаем, – кивнула Лилит. – Например, многим демонам интересно читать «Божественную комедию» Данте. Он настолько подробно описал Чистилище, Ад и Рай, словно он побывал там на самом деле.

– Ну, почему же «словно он там побывал»? – вполголоса сказал Бальтазар, но Иван не услышал его слов.

– И всё это правда? То, что написано в книге Данте? – с интересом спросил Размазин.

– Отчасти, – усмехнулась Лилит.

– Ему весьма точно удалось передать атмосферу потустороннего мира. Разве что Ад вышел у него чересчур мрачноватым, как мне кажется, – хмыкнул Бальтазар.

– Но это же Ад. Что в нём может быть не мрачного?

– Иван, Ад не так страшен, как ты себе его представляешь, – произнесла Лилит, чуть улыбаясь. – Ад – это такое место, к которому можно даже привязаться... Да-да, не смейся... Он не так уж и плох. В Аду есть своя особая атмосфера, Ад может привлекать и быть интересным... Разумеется, лишь для демонов.

– Но всё же, Ад есть Ад, это надо понимать, – Бальтазар развернулся на каблуках и прошёл к окну. – Тёмная часть потустороннего мира, обитель вселенского зла, резиденция Вельзевула и всё такое. Занимательное местечко, но не для простых смертных.

– Выходит, я рискую, продавая душу вам? – наивно спросил Иван.

Демон развёл руками, всё ещё продолжая стоять спиной к писателю.

– А что поделаться, Ванюша? Сделки с демоническими силами дорогого стоят, но и цена, которую нужно заплатить, очень высока. Ты получаешь всё, но за это и отдать ты должен также всё. Но в конечном счёте, это право каждого! Мне думается, что в Декларации прав человека забыты два права: право продать душу и право на самоубийство... Кстати, и первое, и второе осуждается церковниками, но при этом и первое, и второе может помочь человеку если не стать счастливым, то хотя бы избавиться от страданий.

– Может такое случится, что я заключу сделку с тобой, но мои книги никто не будет читать? – прагматично поинтересовался Иван.

– Уж будь спокоен, не случится такого! – заверил его демон. – В дело вмешаемся мы, тёмные силы, а мы всё-таки кое-что умеем. Пойми же, что с помощью демонических сил можно сделать всё, что угодно! В современном мире известность скорее получит дверца от холодильника, если она работает с нами, чем всякие Пушкины и Есенины, которые работают сами по себе. Мы можем сделать если не всё, то многое. По крайней мере, вполне в наших силах исполнить среднестатистические человеческие желания – власть, секс, деньги, красота, богатство... Люди довольно примитивные существа, ты уж прости мне мою прямоту... Мы создаём для них иллюзию счастья, ведь стать действительно счастливыми они, связавшись с нами, конечно же, не могут. Но для них истинное счастье – продукт ненужный, бесполезный. По большому счёту, люди не знают, что такое истинное счастье, ибо у вас нет знаний ни об истине, ни о счастье. Лишь избранные из человеческого мира могут чувствовать такие вещи, для большинства же достаточно красивой картинкой, симпатичной иллюзии. Да и этим единицам, которые смогли познать истину и счастье, ничего хорошего сей факт не принёс, поверь мне. Счастье – понятие разрушительное. Вся жизнь человека подчинена бессмысленной суете в попытках стать счастливым. Да только понятие о счастье у вас, людей, извращено до такой

степени, что даже мы, демоны, порой удивляемся и думаем: действительно ли вы божи творения или же вас слепил Вельзевул? А что касается тебя – то не сомневайся, всё будет: тиражи, автограф-сессии, гонорары...

– Я не об этом. Мои книги прочтут? Читатели, меня интересуют читатели. Они будут у меня? – жадно спросил Иван, делая вид, что не расслышал слова демона о людях, как о примитивных существах.

Бальтазар отошёл от окна и как-то мягко, почти по-отечески посмотрел на писателя:

– Всё будет, Иван. Я гарантирую это.

– Но какой срок жизни у меня будет? Сколько я смогу жить?

– Ради твоей души мы дадим тебе максимально возможный срок, – ответил демон. – И ещё одно: учитывая высокую цену твоей души и её огромную значимость для нас, мы сделаем так, что ты не будешь знать точную дату своей смерти... Так ты сможешь полноценно жить, чувствовать всю прелесть жизни известного писателя. Но, разумеется, это будет очень и очень неблизкая дата.

– Ради моей души? Но почему именно моя душа вас интересует?

– Знаешь ли, некоторая информация не должна быть услышана клиентом, ибо в таком случае нарушаются неписанные законы демонических сил, – твёрдо сказал Бальтазар. – Я покупаю твою душу, я готов дать хорошую цену за неё, а уж остальное – это моё дело.

– Но ведь душа-то моя! – воскликнул Иван.

– После заключения сделки твоя душа не принадлежит тебе, – напомнил демон. – А после твоей физической смерти я вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. Таков договор.

– Душа продаётся один раз и навечно, если иное не оговорено двумя сторонами, – добавила Лилит. – Душа переходит в собственность демону и он становится единоличным и полноправным её владельцем. Новый владелец вправе распоряжаться ею как угодно. Душа считается проданной после заключения сделки. Демон имеет право забрать душу исключительно после смерти её физического владельца.

– Иван, ты должен понимать, что продажа души – дело серьёзное. Заключив сделку, ты уже не сможешь ничего вернуть назад. Во всяком случае, если я сам тебе не верну душу обратно и не разорву договор, – многозначительно сказал Бальтазар.

– А так бывает? – удивился писатель.

– Всё бывает. И так тоже бывает. Но нечасто! – ответила Лилит.

– Да, очень редко, поэтому не надейся! – усмехнулся Бальтазар.

– Эй! Вообще-то, я ещё ничего не решил, а ты говоришь так, будто бы я уже заключил сделку с демоном! – осадил его Иван.

– Думай, Ваня, думай, – покачал головой демон. – Но помни, что слова – вещь опасная. Иногда одно слово может изменить всю твою жизнь. Особенно, слово, данное демону.

– Мы придём, когда ты примешь решение, – сказала Лилит.

– Решай, Иван. Не упусти свой шанс, – серьёзно произнёс Бальтазар.

5

Шура Ротозеев был взволнован. Шура Ротозеев был растерян. Да чего там скрывать – Шура Ротозеев был испуган. Нет, он испугался не возможности продать душу и даже не аудиенции демона, он до дрожи в коленках боялся одного – сойти с ума. Сначала Шура всерьёз подумал, что он и вправду свихнулся на почве постоянного безденежья и стресса, однако одно обстоятельство быстро убедило его в обратном. Увидев на пыльном полу мастерской чёткий отпечаток пары мужских туфель, художник понял, что прошлой ночью его действительно посетил некто, представившийся демоном. То есть, ночной визитёр был вполне реальным, а, стало быть, рассудок Шуру ещё не покинул, и всё случившееся происходило на самом деле, а не в его воспалённом мозгу. Насколько всё произошедшее реалистично и возможно – Ротозеев не задумывался.

мывался. Ни тогда, ни сейчас. Шура был личностью практичной, он не размышлял о том, что не сулило ему выгоды или денег, поэтому мысли о добре и зле, ангелах и демонах, белом и чёрном в его голову никогда не приходили (а если и приходили от скуки, то надолго там не задерживались). Вот и теперь Шура лихорадочно прикидывал, как бы повыгоднее загнать то, в чём существовании он не был уверен – свою душу. Легко продавать то, что можно потрогать руками: картину, автомобиль, мешок картошки, фамильное серебро или даже офисный стул. Но как продать вещь, скажем так, неосязаемую? Если, конечно, уместно называть «вещью» душу. Как продать то, чего нет (или может не быть)?

Ротозеев торопился к Ивану, несясь вперёд, не разбирая дороги. Под ногами жалобно чавкало грязно-серое месиво, которое ещё недавно было снегом. Впрочем, Шура на такие мелочи не обращал никакого внимания. Ботинки промокли? Плевать! Всё равно этим ботинкам уже пошёл пятый год. Или шестой. А не седьмой, нет? Неважно! Забудь! Брюки забрызгало грязью? Да и чёрт с ними! Скоро у него будет столько денег, что он сможет менять их каждый день. И вообще, он перестанет ходить на своих двоих и пересядет на шикарное авто. Водить его лично он, разумеется, не будет, для этого дела существует специально обученный человек... Размечтавшись, Шура поскользнулся и в один момент обнаружил себя лежащим посреди тротуара, уткнувшись носом в раздавленный окурок. Ротозеев со злостью стукнул кулаком по снежной жиже, от чего во все стороны брызнули грязноватые капли. Несколько из них попали на лицо самому Шуре. От неожиданности лицо Ротозеева обиженно вытянулось и он часто-часто заморгал, вдруг став похожим на капризного ребёнка, которому родители не купили вожеленную игрушку и который из-за этого готов расплакаться на весь магазин. Встав и отряхнувшись, Шура злобно сплюнул в сторону и продолжил своё движение, ступая по скользкой снежной каше с величайшей осторожностью. «Эдак я себе шею сверну ещё до того, как душу продам! – угрюмо подумал он. – И никакие демоны не помогут, с них станется!»

Внезапно Ротозеев услышал тихий детский плач, доносящийся как будто бы из... Шура остановился и внимательно огляделся, вмиг став похожим на охотничью собаку, которая учуяла поблизости зайца. Точно! Детский плач доносился из мусорной урны, что стояла в трёх метрах от него. Художник заинтересованно уставился на урну и прищурился, словно стараясь просмотреть урну насквозь. Плач усилился, однако прохожие продолжали как ни в чём не бывало проходить мимо, спеша по своим делам. Шура удивлённо огляделся. «Да что они, в самом деле, не слышат ничего, что ли?! – возмущённо подумал он. – Совсем общество до ручки дошло: ребёнок в помойке слезами заливается, а им хоть бы что!» Впрочем, на мысленный упрек художника в адрес общества это самое общество ровным счётом никак не отреагировало.

Ротозеев, медленно ступая, приблизился к урне и осторожно заглянул в неё. Там среди пластиковых бутылок из-под колы и прочего мелкого мусора копошился чёрный свёрток. Преодолевая врождённую брезгливость, Шура наклонился к урне и немного развернул тряпье, в которое был укутан плачущий младенец. В следующую секунду лицо художника исказила гримаса отвращения и ужаса – взгляд его столкнулся со взглядом ребёнка (хотя назвать это существо ребёнком было сложно), который был наполнен какой-то адской злобой и ненавистью. Этот взгляд был осмысленный, чего никак не могло быть, лежи в помойке обычный ребёнок. И ещё кое-что – внешность этого существа была мерзкой и отвратительной, словно он был зачат и рождён не обычными мужчиной и женщиной, а уродцами. Кожа грязно-пепельного цвета, мягкие, будто бы бескостные руки и ноги, чёрные белки глаз, а сами глаза лишены зрачков. Крупные, выпирающие изо рта зубы, губы, словно толстые извивающиеся черви, вместо носа – два небольших отверстия, будто просверленные дрелью прямо в маленькой детской голове. Тонкие пальчики существа заканчивались острыми коготками красноватого цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.